ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ДЕТЕКТИВ

Живой металл

Реквием
Роберт Хайнлайн

Аннотация
Роберт Э. Хайнлайн. Реквием

Аннотация

Вся жизнь миллиардера Гарримана была посвящена исполнению его желания слетать на Луну. Как успешно он двигался к своей мечте, можно прочесть в «Человеке, который продал Луну». Ныне он стар, болен и не имеет права на полет в космос.

Но разве людской закон может остановить миллиардера? Гарриман нашел двух пилотов, которые согласились исполнить его последнее желание…

Роберт Э. Хайнлайн
Реквием

На острове Самоа есть высокая гора, а на ее вершине — могила. И вот что написано на могильном камне:

Прямо под небом, что полно огня,
Здесь, на горе, похоронишь меня.
Славно я пожил и смерть мне не в горе
Тут и усну я без снов.
А на могильной плите напиши:
«Там он лежит, где велел положить.
Так, как моряк возвращается с моря,
Так, как охотник с холмов.»[1]

Эти же строки нацарапаны на бирке от кислородного баллона, что приколота ножом к лунному грунту.

Ярмарка была паршивой, насколько это вообще возможно. Скачки не обещали ничего интересного, даже когда выпустили потомка знаменитого

---

[1] Примечания: 1
Р. Л. Стивенсон. «Завещание»

Дэна Патча. Лавки и палатки вокруг арены закрывались, торговцы выглядели обескураженными.

Шофер Д.Д.Гарримана не видел причин останавливаться здесь. Они направлялись в Канзас-Сити на совещание директората, по крайней мере, Гарриман. У шофера были свои причины спешить в Канзас-Сити, определенного рода делишки на Восемнадцатой Стрит. Но босс велел остановить машину и даже вышел.

В стороне от арены стояла ограда. Входная арка была увешана флагами и транспарантами. Красные с золотом буквы кричали:

ЗДЕСЬ ЛУННАЯ РАКЕТА!!!
РАКЕТА В ПОЛЕТЕ!
ПУБЛИЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ СТАРТА!
ДВАЖДЫ В ДЕНЬ
НА ТОЧНО ТАКОЙ РАКЕТЕ
ЧЕЛОВЕК ДОСТИГ ЛУНЫ!!!
ВЫ ТОЖЕ МОЖЕТЕ ПРОКАТИТЬСЯ НА НЕЙ!!!
Вход — 50 центов.

У арки, разглядывая плакаты, бродил мальчик лет девяти — десяти.

— Хочешь посмотреть ракету, сынок?

— Еще бы, сэр! Очень хочу, — его глаза блес-

нули.

— Я тоже. Идем со мной.

Гарриман заплатил, получил два розовых билетика, и они вошли.

Паренек схватил его за руку и с мальчишеской целеустремленностью потащил за собой.

Гарриман задрал голову, наметанным глазом окинул яйцевидный корпус, профессионально отметив, что ракета однодюзовая, заметил пояс датчиков. Он покосился на название. На ярмарочно-красном корпусе золотыми буквами было начертано: «СВОБОДНЫЙ». Он заплатил еще четвертак и вошел в рубку.

Из-за радиационных фильтров на иллюминаторах внутри стоял полумрак. Вскоре глаза привыкли к нему. Он любовно осмотрел клавиши пульта и полукруг циферблатов над ними, словно верующий в храме. Все было знакомо — до боли в сердце.

Так он и стоял, обливаясь потом, задумчиво глядел на пульт, когда кто-то вошел и тронул его за рукав.

— Простите, сэр, нам нужно лететь. Вынужден просить вас…

— Что? — Гарриман очнулся и посмотрел на вошедшего. Тот был чертовски красив — пра-

вильный череп, мощные плечи, отважный взгляд, уверенно сложенные губы и твердый подбородок.

— О, простите, капитан.

— Ничего.

— Капитан… э-э…

— Макинтайр.

— Капитан Макинтайр, можете вы взять пассажира? — загорелся надеждой Гарриман.

— Конечно, если вам угодно. Идемте со мной.

Он проводил Гарримана под навес, на котором было написано: «Оффис», неподалеку от ворот.

— Осмотрите пассажира, док.

Гарриман вздрогнул, но позволил врачу послушать сердце и смерить давление. Расстегнув манжету тонометра, доктор покачал головой.

— Что, док, нельзя?

— Именно, капитан.

Гарриман переводил взгляд с одного на другого.

— Но сердце у меня в порядке — просто я волнуюсь.

Доктор поднял брови.

— Да неужто? Но дело не только в сердце; в вашем возрасте кости становятся слишком хрупкими. Настолько хрупкими, что могут не

выдержать стартовой перегрузки.

— Простите, сэр, — добавил капитан, — но Ярмарочная Ассоциация держит здесь врача специально для того, чтобы я не брал с собой никого, кто не выдержит старта.

— Я так и думал, — плечи старика задрожали.

— Простите, сэр… — Макинтайр пошел к ракете, но Гарриман догнал его.

— Постойте, капитан…

— Да?

— Может, вы и ваш… бортинженер пообедаете со мной после полета?

Капитан удивленно посмотрел на него.

— Не вижу причин для отказа. Спасибо.

— Удивляюсь, капитан, почему вы покинули Лунную трассу?

Жареные цыплята и горячий десерт в кабинете лучшего в городке ресторана, трехлетний «Хеннеси» и «Корона Коронас» расположили всех к непринужденной беседе.

— Ну, мне там не понравилось.

— Брось трепаться, Мак, — бортинженер усердно накачивался коньяком. — Ты же прекрасно знаешь, за что правление вышвырнуло тебя.

Макинтайр помрачнел.

— Ну и что с того, если я брал с собой пару бу-

тылок? Как бы то ни было, я даже рад — у меня на зубах навязла их мелочная опека. А кто ты такой, чтобы так говорить? Ты, контрабандист!

— Я? Я контрабандист? А кто бы устоял перед искушением привезти на Землю пару камешков? У меня был бриллиант величиной… Если меня не поймали, я бы и сейчас жил в Луна-Сити. Что уж говорить о твоих бутылках… мальчики угощают нас, а девочки улыбаются и предлагают… — он уронил голову и тихо заплакал.

Макинтайр потряс его.

— Напился.

— Ничего, — удержал капитана Гарриман. — Скажите, вы в самом деле были рады бросить Лунную трассу?

Макинтайр пожевал губу.

— Конечно, нет. Чарли прав. Слишком круто все переменилось. Мы мотаемся, как дерьмо в проруби, спим в кемпингах, едим где придется разную пакость. То шериф наложит арест на ракету, то привяжется какое-нибудь Общество Защиты чего-то там. Что это за жизнь для космонавта?

— Вы бы хотели вернуться на Луну?

— Пожалуй… да. Конечно, я не смогу вернуться на Лунную трассу, но в Луна-Сити можно наняться хотя бы на рудовоз Компании — для этих

рейсов им всегда не хватает пилотов, и они могут закрыть глаза на мое прошлое. Со временем, если все будет хорошо, могут перевести и на Лунную трассу.

Гарриман поиграл ложкой, потом посмотрел на капитана.

— Надеюсь, вы согласитесь на некое деловое предложение?

— Может быть. В чем дело?

— «СВОБОДНЫЙ» принадлежит вам?

— Да, только с горючим плохо.

— Я хочу зафрахтовать вашу ракету… чтобы вы и Чарли доставили меня на Луну!

— Ты слышал, Мак? — дернулся Чарли. — Он хочет, чтобы мы вели это старое корыто на Луну!

— Ничего не выйдет, мистер Гарриман, — покачал головой Ма-кинтайр. — Корабль слишком стар, топливные баки текут. Мы даже не можем использовать стандартное горючее — только газолин и жидкий кислород. Чарли все время чинит корабль, но он через несколько дней все равно взорвется.

— Мистер Гарриман, — вставил Чарли, — а почему бы вам не полететь на корабле Компании?

— Нельзя, сынок, — ответил старик. — Невозможно. Ты ведь знаешь, на каких условиях ООН

дала Компании монополию на эксплуатацию Луны? Не выпускать в космос никого, кто не пропущен медицинской комиссией. Компания несет полную ответственность за жизнь и здоровье всех граждан за пределами стратосферы. Если кто-нибудь погибнет в космосе, монополии конец.

— И комиссия не пропустила вас?

Гарриман кивнул.

— Но какого же черта вы хотите зафрахтовать нас, вместо того, чтобы подкупить кого-нибудь из служащих Компании? Некоторые так и делают.

— Я знаю это, Чарли, — грустно улыбнулся Гарриман, — только это не для меня. Меня там знают. Мое полное имя — Дилоуз Д.Гарриман.

— Что? Вы и есть старик Ди-Ди? Но ведь у вас, черт побери, самый большой кусок в Компании — фактически, вы сами и есть Компания! Вы же можете сделать все, что угодно, стоит вам только захотеть!

— Так думают многие, сынок, но это неверно. Богачи свободны не более, чем все остальные; даже менее, гораздо менее. Я мог бы попытаться провернуть то, что ты предлагаешь, но меня не отпустят компаньоны. Они боятся потерять свою монополию. Слишком дорого она им досталась.

— Я бы… Усек, Мак? У человека есть куча денег, и он не может их потратить так, как хочет.

Макинтайр не ответил. Он ждал, что ответит Гарриман.

— Капитан Макинтайр, если у вас будет корабль, беретесь вы доставить меня на Луну?

Макинтайр снова пожевал губу.

— Это противозаконно.

— Я плачу за все.

— Беремся, мистер Гарриман. Конечно же, беремся, Мак. Луна-Сити! Боже мой!

— А зачем вам так приспичило на Луну, мистер Гарриман?

— Это единственное, чего я по-настоящему хотел, капитан, хотел еще мальчишкой. Не знаю, смогу ли я объяснить вам это. Ракетные перелеты привычны вам с детства так же, как мне авиация. Я ведь гораздо старше вас, по меньшей мере, лет на пятьдесят. Когда я был мальчишкой, почти никто не верил в то, что человек когда-нибудь достигнет Луны. Это случилось, когда вы были еще детьми, так что ракеты привычны вам, а во времена моего детства над этим смеялись. Но я верил. ВЕРИЛ. Я прочел и Жюля Верна, и Уэллса, и «Дока» Смита и верил, что мы сможем сделать это — что мы сделаем это. Я всей душой хотел быть

одним из тех, кто прогуляется по Луне, увидит ее обратную сторону и Землю высоко в небе. Я обходился без завтраков, чтобы уплатить взносы в Американское ракетное общество, ибо верил, что моя лепта приблизит тот день, когда мы достигнем Луны. Когда же этот день настал, я был уже почти стариком. Я продолжал жить и не мог позволить себе умереть… и не позволю! — пока не ступлю на Луну.

Макинтайр встал и протянул ему свою руку.

— Ищите корабль, мистер Гарриман, и я поведу его.

— Молодчина, Мак! Я же говорил, мистер Гарриман, что он полетит.

Весь получасовой путь до Канзас-Сити Гарриман продремал. Беспокойный дневной сон воскресил сцены былого. Когда же это было… ах, да, в 1910-м. Маленький мальчик в теплой весенней ночи. — «Что это, папа?» — «Это комета Галлея, сынок» — «Откуда она?» — «Не знаю, сынок, откуда-то с неба.» — «Какая она кра-си-ивая, папочка. Я хочу потрогать ее.» — «Это невозможно, сынок.»

«Дилоуз, может быть, ты скажешь мне, чего ради деньги, которые мы откладывали на собственный дом, ты вложил в эту сумасшедшую

Ракетную Компанию?» — «Оставь, Шарлотта! Вовсе она не сумасшедшая, это верное дело. Скоро все небо наполнится ракетами, а поезда и корабли отомрут. Вспомни, что получили люди, вложившие капиталы в мастерскую Генри Форда.» — «С нами этого не случится.» — «Шарлотта, придет день, когда человек покинет Землю и достигнет Луны, и даже других планет. И это начинается сейчас.» — «Ты можешь не кричать?» — «Прости, но я…» — «У меня разболелась голова. Постарайся не шуметь, когда будешь ложиться.»

В ту ночь он так и не лег, просидел на веранде, глядя, как полная Луна катится по небосклону. Какая бы чертовщина ни случилась утром, ночь принадлежала ему. Нет, он не уступил. Он мог поступиться чем угодно, но только не этим. Всю ночь он провел наедине со своим старым другом, всю ночь смотрел на него. Где там Море Кризисов? Странно, он не замечал его, не то, что в детстве. Наверное, нужно завести новые очки — эта постоянная возня с бумагами сказывается на зрении.

Ему даже не нужно было смотреть. Он знал, что они на месте: и Море Кризисов, и Море Изобилия, и Море Спокойствия — какие названия! — и Апеннины, и Карпаты, и древний кратер Тихо со

своими чудесными лучами.

Двести сорок тысяч миль — всего десять раз вокруг Земли. Люди, несомненно, наведут мост через это ущелье. Вот же она, прямо над вязами, рядом, ее можно достать и потрогать.

Ничто не могло помочь ему. Не хватало образования.

«Сынок, я хочу серьезно поговорить с тобой.» — «Да, мама?» «Я знаю, ты надеялся на будущий год поступить в колледж… (Надеялся! Он жил для этого. А потом учиться у Моултона в Чикагском Университете, а потом работать у самого доктора Фроста в Йоркской Обсерватории)… я тоже надеялась на это, но теперь, когда отец умер, когда девочки выросли, это будет трудно сделать. Ты всегда был хорошим мальчиком, всегда помогал нам. Ты понимаешь?» — «Да, мама.»

«Специальный выпуск! Специальный выпуск! РАКЕТОПЛАН ДОСТИГ ПАРИЖА!!! Читайте все-е-е-е…»

Худой юноша в очках схватил газету и бегом вернулся в контору.

— Смотри, Джордж!

— Что? Хм. Интересно. Ну и что из этого?

— Ты что, не понимаешь? Следующая станция — Луна!

— Господи, какой же ты еще мальчишка, Дилоуз. Все твои волнения от того, что ты начитался этих макулатурных журнальчиков. На той неделе я застал своего сына за чтением одного из них, «Удивительные истории» или что-то вроде этого, и наставил его на путь истинный. Твоим родителям следовало сделать то же.

Гарриман пожал узкими плечами.

— Мы все-таки доберемся до Луны!

— Ну ладно, бог с тобой, — улыбнулся его компаньон. — Если бэби так хочет на Луну, папочка его отвезет. Нам следует заниматься векселями и патентами, вот где настоящие деньги.

Автомобиль проехал Пасео и повернул на бульвар. Гарриман неловко повернулся и что-то пробормотал.

— Да, мистер Гарриман? — молодой человек с блокнотом был явно встревожен.

— Слушайте и записывайте. Я хочу превратить в наличные все мои дела: Космотранспорт, Лунную Компанию, Рудник Артемис, Курорт Луна-Сити и тому подобное. И как можно скорее.

— Это вызовет панику на бирже, и вы не сможете получить полную стоимость акций.

— Вы думаете, я этого не знаю? Я могу себе позволить это.

— А как быть с вашими вложениями в Ричардсоновскую Обсерваторию и с Гарримановской стипендией?

— Этого не трогайте. Продажей акций займетесь немедленно и скажете младшему Каминзу, чтобы подготовил все бумаги.

Ожил экран телеселектора.

— К вам два джентльмена, мистер Гарриман.

— Пригласите их сюда. Это все, Эшли. Беритесь за дело.

Эшли ушел. Вошли Макинтайр и Чарли. Гарриман поспешил им навстречу.

— Входите, ребята, входите. Чертовски рад вас видеть. Садитесь, садитесь. Вот сигары.

— Мы тоже рады вас видеть, мистер Гарриман, — ответил Чарли. — Как вы думаете, зачем мы пришли?

— Что-то случилось, ребята? — Гарриман с беспокойством переводил взгляд с одного на другого.

— Вы все еще не раздумали нанять нас, мистер Гарриман?

— Раздумал? Конечно, нет! А вы?

— И мы не раздумали, но работа нам нужна сейчас. Видите ли, «СВОБОДНЫЙ», в данный момент лежит на дне реки с разорванными дюзами.

— Боже мой! Но вы-то целы?

— Почти. Несколько синяков, растянутое сухожилие…

— А мне проредило зубы, — сморщился Чарли.

Через некоторое время они обратились к делам.

— Вы вдвоем купите для меня корабль. Я не смогу открыто сделать это — мои компаньоны живо сообразят, что я затеял, и помешают нам. В средствах не стесняйтесь. Найдите корабль, подходящий для нашего путешествия. Придумайте несколько версий, вроде того, что вы покупаете его для плейбоев, желающих иметь стратосферную яхту, или что вы собираетесь устраивать туристические полеты из Арктики в Антарктиду. Никто не должен заподозрить, что ракета предназначается для космического перелета. Далее. Когда вы зарегистрируете ее в транспортном управлении, поезжайте вместе с ней на запад, в пустыню, там я присмотрел и купил недурненький участочек. Я встречу вас там. Потом мы смонтируем на ней дополнительные топливные баки, заменим дюзы и приборы. Одним словом, подготовим ее для нашего полета. Как вам нравится мой план?

— Это только полдела, — с сомнением сказал

Макинтайр. — Как ты думаешь, Чарли, сможешь переоборудовать ракету без цехов и верфи?

— Я? Конечно смогу — с вашей помощью. Дайте мне инструменты, материалы и, главное дело, не торопите меня. Разумеется, это будет не модель люкс…

— Нам и не надо. Важно, чтобы ракета не взорвалась при старте. С изотопным горючим шутки плохи.

— Она не взорвется, Мак.

— Ты говорил то же и о «СВОБОДНОМ».

— Это нечестно, Мак. Послушайте, мистер Гарриман… «СВОБОДНЫЙ» был кучей хлама, и ты знаешь это не хуже меня, Мак. Это будет трудно, но если у нас будет немного денег, мы все сделаем в лучшем виде. Правда ведь, мистер Гарриман?

Гарриман похлопал его по плечу.

— Конечно, Чарли. А денег будет столько, сколько вы пожелаете. И последнее. Я думаю, что жалование и премии, которые я вам назначил, вполне удовлетворят вас? Я не хочу, чтобы вы нуждались в чем-либо.

— …как вы знаете, мои клиенты — его ближайшие родственники, и поэтому принимают его интересы близко к сердцу. Мы утверждаем, и события последнего времени доказывают это со

всей очевидностью, что разум мистера Гаррима-на, некогда сиявший на финансовом небосклоне, подвергся возрастным изменениям. Поэтому мы с глубочайшим сожалением просим высокий суд объявить мистера Гарримана недееспособным и назначить опекуна, который бы защищал инте-ресы как мистера Гарримана, так и его будущих наследников и правопреемников, — адвокат сел, вполне довольный своим выступлением.

Слово взял мистер Каминз.

— С разрешения высокого суда, я хотел бы обратить внимание на последние слова моего уважаемого оппонента: «финансовые интересы будущих наследников и правопреемников». Оче-видно, истцы не сомневаются, что мой клиент вел свои дела лучшим образом, и его наследство обеспечит безоблачную жизнь не только его племянников и племянниц, но и их потомков. Жена моего клиента скончалась, детей у него нет. Несомненно, он был настолько великодушен, что оставил своим сестрам и их детям средства в виде пожизненной ренты, равно как нет и со-мнений в достаточных ее размерах. И вот теперь эти стервятники, даже хуже, чем стервятники, не хотят дожидаться, пока мой клиент почиет; они намерены лишить его права распоряжаться соб-

ственностью в немногие годы, оставшиеся ему от жизни. Да, мой клиент продал принадлежавшие ему предприятия, но разве это не естественно для человека, собравшегося перейти в лучший мир? Да, он продал большую часть акций. Всякая вещь стоит столько, за сколько ее можно продать. Перед концом жизни мой клиент захотел подвести итог. Что же в этом странного? Конечно, прежде чем сделать это, он не посоветовался со своей дражайшей родней. Но какой закон обязывает человека консультироваться со своими племянниками или с кем бы то ни было? Основываясь на вышеизложенном, мы просим высокий суд подтвердить право моего клиента делать то, что ему угодно, и отклонить заявление истцов, столь упорно сующихся в чужие дела.

Судья снял очки и задумчиво протер их.

— Мистер Каминз, суд не менее вас ценит свободу и права личности и примет решение в соответствии с интересами вашего клиента. Однако, ваш клиент дожил до почтенного возраста, и ему может понадобиться поддержка в его делах. Все это будет взвешено и рассмотрено. Приговор будет объявлен завтра. Суд объявляет перерыв.

Из «Канзас-Сити Стар»:

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЭКСЦЕНТРИЧНОГО МИЛЛИОНЕРА.

«… прервано слушание дела. Бейлифы посетили все места, где бывал Гарриман и везде им ответили, что не видели его со вчерашнего дня. Судья квалифицирует это как неуважение к суду…»

Закат в пустыне подстегивал аппетит не хуже вирджинских плясок. Чарли собрал куском хлеба остатки подливы и со смаком съел. Гарриман угостил всех сигарами и закурил сам.

— А доктор мне все уши прожужжал, что сигары вредны для моего сердца, — сказал Гарриман, когда все закурили, — но я ему не верю. С тех пор, как я приехал сюда, на ранчо, я чувствую себя все лучше и лучше., — он окутал себя облаком сизо-голубого дыма. — Все болезни происходят оттого, что человек занимается не тем, чем он хотел бы, а я сейчас делаю то, что хочу.

— Что еще можно хотеть от жизни? — согласился Макинтайр.

— А как движется работа?

— Я свою почти закончил, — ответил Чарли. — Только что мы закончили испытание под давлением топливных баков. Мы закончили

наземные работы, осталось только проверить все системы. Это займет часа четыре, если не обнаружатся какие-нибудь дефекты. А как у тебя, Мак?

Макинтайр начал загибать пальцы:

— Запасы пищи и воды — на борту; три скафандра, не считая запасного, и ранцы к ним, медикаменты. В общем все, что полагается стратосферной яхте. Еще не поступили последние таблицы лунных эфемерид.

— Когда вы их ждете?

— Скоро. Но они не так уж и важны. Просто смешно, что люди считают космическую навигацию ужасно сложной. Здесь цель видна — не то что в океане. Дайте мне хороший радар и секстант, и я доставлю вас на Луну, в любую ее точку, безо всяких звездных таблиц и навигационных альманахов, только по данным об относительных скоростях.

— Не горячись, Колумб, — сказал ему Чарли. — Береги нервы. Главное дело, что мы готовы к старту. Так или не так?

— Так.

— Вы, во всяком случае. Сегодня мы закончим все испытания. Что-то я нервничаю, уж очень гладко все идет. Если мне помогут, к полуночи все будет о’кэй.

— Хорошо, сейчас докурю сигару и помогу.

Некоторое время они молча курили. Каждый думал о предстоящем полете и о том, что его ожидает. Старый Гарриман пытался совладать с волнением при виде сбывающейся мечты.

— Мистер Гарриман…

— В чем дело, Чарли?

— Не могли бы вы подсказать, каким образом парень, вроде меня, может разбогатеть, как вы?

— Разбогатеть? Я не могу сказать. Сам я никогда не стремился ни разбогатеть, ни прославиться, ничего такого.

— Да ну?

— Нет, правда. Просто я хотел подольше пожить и побольше увидеть. И я не был исключением: тогда множество мальчишек увлекались кто радио, кто астрономией — они сами строили телескопы, кто — самодельными аэропланами. У нас были научные клубы, лаборатории в подвалах, общества любителей научной фантастики. Мы находили в научных журналах больше романтики, чем во всех книгах Дюма, вместе взятых. Никто из нас не собирался становиться миллионером — мы хотели строить космические корабли. И, как видите, кое-кому из нас это удалось.

— Господи, шеф, вы так увлекательно рассказываете об этом!

— Это и было увлекательно, Чарли. Это был чудесный, романтический век, и с каждым годом жить становилось все чудеснее и увлекательнее. Нет, я не хотел богатеть; я только хотел дожить до того времени, когда человек поднимется к звездам, и, если Бог позволит, самому слетать на Луну, — он осторожно стряхнул пепел в тарелку. — Я прожил хорошую жизнь, и мне не на что жаловаться.

Макинтайр отставил стул.

— Идем, Чарли, я готов.

— О'кэй.

Все поднялись. Гарриман хотел что-то сказать, но вдруг побледнел и схватился за сердце.

— Держи его, Мак!

— Где у него лекарство?

— В кармане жилета.

Они положили Гарримана на лежанку, вылили на носовой платок лекарство из ампулы и поднесли к носу. По мере того, как испарялось лекарство, лицо его начало розоветь. Это было все, что они могли сделать. Теперь оставалось ждать.

— Мак, он не сможет лететь, — прервал молчание Чарли.

— Почему?

— Это убийство. После стартовых перегрузок он не встанет.

— Может быть, но он хочет лететь. Ты же сам слышал.

— Мы должны удержать его.

— Зачем? Какое право имеешь ты или наше родимое правительство мешать человеку рисковать своей жизнью во имя своей мечты?

— И все-таки ты неправ. Он же чертовски славный старик.

— Тогда вези его обратно в Канзас-Сити. Там эти стервятники запрут его в психушку и будут держать там, пока он не умрет от разрыва сердца.

— Н-н-ну, нет, только не это.

— Тогда иди и подготовь все к отлету. Я готов.

На другое утро на ранчо въехал джип и остановился перед домом. Из него вылез крепко скроенный человек с твердым, но добрым лицом. Макинтайр пошел ему навстречу.

— Вы — Джеймс Макинтайр? — спросил человек.

— Ну и что из этого?

— Я помощник здешнего шерифа. У меня ордер на ваш арест.

— За какие грехи?

— Заговор с целью нарушения закона о здоровье космонавтов и пассажиров.

К ним подошел Чарли.

— В чем дело, Мак?

За Макинтайра ответил помощник шерифа.

— Вы, должно быть, Чарльз Каммингс. Ордер распространяется и на вас. Кроме того, я должен забрать отсюда человека по имени Гарриман и опечатать ваш космический корабль.

— У нас нет космического корабля.

— А что у вас в этом ангаре?

— Стратояхта.

— Да ну? Тогда, за неимением космического корабля, я опечатаю ее. Где Гарриман?

— Вон там, — Чарли любезно указал направо, не обращая внимания на гримасу Макинтайра.

Помощник шерифа повернул голову. Чарли ударил его ребром ладони по сонной артерии, и тот рухнул на землю. Чарли постоял над ним, пощупал сустав пальца и поморщился.

— Черт побери, именно этот палец я сломал, играя в бейсбол. И всегда-то я цепляюсь им за что-нибудь.

— Отнеси шефа в кабину, — оборвал его Мак, — и пристегни к койке.

— Будет сделано, шкипер.

Они тягачом вывели корабль и отыскали в пустыне ровную площадку для старта. Потом забрались в ракету. В правый иллюминатор Макинтайр увидел помощника шерифа. Тот выглядел неутешительно.

Макинтайр застегнул ремни и запросил в переговорную трубку:

— Все в порядке, Чарли?

— Все в порядке, шкипер, — отозвался Чарли из машинного отделения, — но стартовать нам нельзя. У корабля нет имени!

— А у нас сейчас нет времени на предрассудки.

— Назовем его «ЛУНАТИК», — донесся слабый голос Гарримана. — Это единственное подходящее имя.

Макинтайр откинулся в кресле, повернул два тумблера, потом еще три, и «ЛУНАТИК» взлетел.

— Как вы себя чувствуете, шеф? — Чарли озабоченно склонился над стариком.

Гарриман разлепил губы и выдавил:

— Хорошо, сынок. Лучше некуда.

— Перегрузки кончились, и теперь все будет хорошо. Я ослаблю ремни, чтобы вы могли поворачиваться. Думаю, вам не следует вставать.

Чарли дернул пряжку. Гарриман так и не мог подавить стон.

— Что с вами, шеф?

— Ничего, правда, ничего. Что-то кольнуло в боку.

Чарли легонько ощупал бок Гарримана и проверил пульс.

— Не пытайтесь меня дурачить, шеф. К сожалению, мы ничем не сможем помочь вам, пока не сядем.

— Чарли…

— Да, шеф?

— Могу я посмотреть в иллюминатор? Мне хотелось бы увидеть Землю.

— Сейчас не на что смотреть, ее загораживает корабль. Когда мы повернемся, я помогу вам, а пока выпейте снотворного. Когда подойдет время — разбужу.

— Нет!

— Почему?

— Я должен все видеть.

— Как пожелаете, шеф.

Чарли, словно обезьяна, вскарабкался к носу корабля и присел на подлокотник пилотского кресла. Макинтайр вопрошающе глянул на него.

— Ну, он, конечно, жив, — сказал Чарли, — только в чертовски плохом состоянии.

— Насколько плохом?

— Сломана, по меньшей мере, пара ребер. Я не знаю, что еще. Я не уверен, перенесет ли он посадку, Мак. Сердце у него бьется так, что становится страшно.

— Он перенесет, Чарли. Он крепкий человек.

— Крепкий? Да он хрупкий, как канарейка.

— Я не это имел в виду. Он крепкий внутри, понимаешь?

— Как бы то ни было, ты должен сесть так, чтобы на борту и пылинка не шелохнулась.

— Сяду. Я сделаю полный оборот вокруг Луны и совершу посадку по инвалюте. Но тогда нам не хватит горючего.

Когда они вышли на свободную орбиту, Макинтайр развернул корабль, и Чарли отнес койку Гарримана к иллюминатору. Макинтайр держал корабль поперек трассы полета так, чтобы хвостовая часть была направлена на Солнце. Корректировочные двигатели раскручивали корабль, создавая слабую искусственную гравитацию. Выход на трассу и невесомость обычно сопровождались тошнотой, а Макинтайр хотел, насколько возможно, уберечь Гарримана от неудобств.

Но Гарриману было плевать на тошноту.

Все было так, как он представлял себе это все

долгие годы. Луна величественно плыла в иллюминаторах, еще яснее были видны ее знакомые черты. Когда корабль поворачивался, была видна Земля. Теперь она выглядела так, как с нее самой видна Луна, только была ярче и прекраснее, чем серебряная планета. Солнце скрывалось за берегом Атлантического океана, терминатор пересекал Северную Америку, Кубу, восточный берег Южной Америки. Он наслаждался бархатной синевой Тихого океана, разглядывал зеленые и коричневые пятна континентов, удивлялся крахмальной белизне полярных шапок. Канада и северные штаты были укрыты облаками, которые плотной массой двигались поперек материка. Удивительно: они были белее и ярче полярных шапок.

Корабль поворачивался, и Земля уходила из виду, зато теперь в иллюминаторе бежали звезды, яркие, первозданные и знакомые. В поле зрения, словно подчинясь его желанию, снова вплыла Луна.

Он был совершенно счастлив, более счастлив, чем когда-либо в своей долгой жизни, а это не всем дано. Он чувствовал себя всеми людьми, которые когда-либо жили на Земле, смотрели на звезды, страстно их вожделея.

За это время он успел и подремать, и увидеть сон. Он провалился в глубокий сон, но перед этим вспомнил Шарлотту, свою жену, и как она кричала ему: «Дилоуз! Иди домой! Ты что, хочешь умереть от простуды?»

Бедная Шарлотта! Она была ему хорошей женой, да, хорошей женой! Гарриман был уверен, — умирая, она горевала только о том, что не сможет больше заботиться о нем. Не ее вина, что она не могла понять его сокровенных желаний.

Чарли повернул койку так, чтобы Гарриман мог видеть обратную сторону Луны.

Знакомые по тысячам фотографий места Гарриман узнавал с какой-то приятной ностальгией, как если бы он возвращался на родину. Когда они оказались над лицевой стороной Луны, Макинтайр немного снизился, готовясь посадить корабль на восточной стороне Моря Изобилия, в десяти милях от Луна-Сити.

Сел он довольно успешно, если учесть, что не видел площадки и у него не было второго пилота, чтобы следить за радаром. Он изо всех сил старался сесть как можно мягче, но при этом промахнулся миль на тридцать и угодил на камни.

Когда они сели и положили ракету, в рубку вошел Чарли.

— Как наш пассажир? — спросил Мак.

— Сейчас посмотрю, хоть и не смогу ничем помочь. Посадка была паршивая, Мак.

— Черт тебя подери, я сделал все, что мог.

— Да, я знаю, шкипер. Забудь об этом.

А Гарриман был жив и в полном порядке, вот только из носа у него текла кровь, и губы были обметаны кровавой пеной. Он даже попытался сам слезть с койки, но не смог. Макинтайр и Чарли помогли ему.

— Где скафандры? — были его первые слова.

— Спокойно, мистер Гарриман. Сейчас вы не сможете выйти. Мы должны оказать вам хотя бы первую помощь.

— Дайте мне скафандр! Первая помощь подождет.

Они молча выполнили приказ. Левая нога Гарримана бездействовала, и они помогли ему добраться до шлюза, поддерживая под руки. Это было легко — на Луне он весил не более двенадцати фунтов. Метрах в пятидесяти от корабля они нашли удобное место и положили его там, подложив под голову кусок вулканического шлака.

Макинтайр прислонил свой шлем к шлему Гарримана и сказал:

— Мы покинем вас — надо подготовиться к

походу в город. Он совсем рядом, милях в сорока. Вот вам запасные баллоны, пища и вода. Мы скоро вернемся.

Гарриман молча кивнул, не произнося ни слова, и только на удивление крепко пожал им руки.

Он лежал очень тихо, положив руки вдоль тела и глядя на Землю, всем телом ощущая чудесный свет. Через некоторое время сердце его успокоилось, и переломы больше не причиняли боли. Он был там, куда стремился — он добился своего. На западном горизонте поднималась, словно сине-зеленая Луна, Земля в последней четверти. Солнце стояло над головой, сияя среди черного звездного неба. А под ним была Луна, настоящая Луна. Он был на Луне!

Он лежал, ощущая, как счастье захлестывает его, пропитывая тело до мозга костей.

На мгновение он отвлекся и подумал, что прославил свое имя. «Глупый, — сказал он себе тут же, — ты состарился, вот и лезет в голову всякая чушь».

Вернувшись в рубку, Чарли и Мак сбросили ранцы.

— Ну вот и все, — сказал Мак. — Мы должны забрать шефа.

— Я принесу его, — ответил Чарли. — Возьму

его на руки и принесу. Он почти ничего не весит.

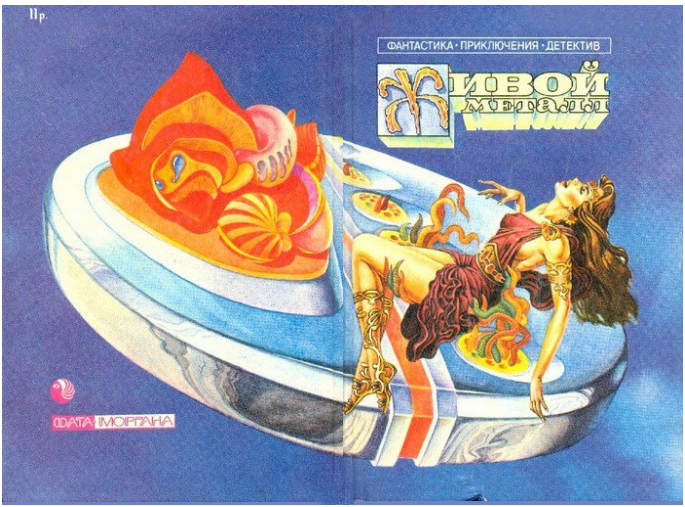
Чарли отсутствовал гораздо дольше, чем ожидал Макинтайр, но вернулся один. Мак закрыл за ним дверь шлюза и снял шлем.

— В чем дело?

— Все, шкипер. Нам здесь больше нечего делать. Я знаю, шеф хотел, чтобы так и вышло. Я сделал все, что нужно.

Макинтайр молча достал лыжи — на них передвигались по лунной пыли. Чарли достал свои, и они вышли из корабля.

Шлюз они закрывать не стали.

11р.
ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ДЕТЕКТИВ
ФАТА МОРГАНА